

Реформы 80-х гг. в СССР начались сверху. Но реакция общества на них, а, следовательно, сама динамика преобразований и связанной с ними социальной конфронтации определялась не только действиями «верхов», но и состоянием «низов».

«Верхи» были связаны с различными слоями общества, которые не входили в состав правящей элиты. Была ли эта связь односторонним влиянием, или «низы» в свою очередь воздействовали на руководство страны? Было ли общество жестко управляемым из единого центра механизмом или организмом, состоящим из множества субкультур со своей собственной логикой поведения? Иными словами, было ли советское общество к началу 80-х гг. тоталитарным, или страна жила в условиях авторитаризма, допускающего независимые от государства течения общественной жизни?

Идеологи КПСС провозглашали, что в СССР существует «идейно-политическое единство советского народа». Даже в 1985 г. во Франции Горбачев продолжал утверждать, что население его страны «исповедует» одну идеологию¹. Значительная часть западных исследователей поверила официальной концепции КПСС и пришла к выводу, что в СССР существует тоталитарное общество и присущее ему единомыслие. Так, например, американский публицист У.Лакер, много писавший об общественной жизни СССР, считает, что «Советский Союз того периода был по-прежнему тоталитарным обществом, и никакие отклонения от официальной идеологии не допускались»².

Как мы увидим ниже, ближе к реальности точка зрения Н.Верта. Он пишет о взгляде на советское общество «марксистско-ленинской» и «советологической» историографии: «Обе схемы... игнорировали одни и те же явления: существование богатой и сложной, непрерывно эволюционирующей социальной ткани; наличие “контркультуры” и различных субкультур, способствовавших формированию умонастроений, стремлений и ожиданий вне и вопреки пропаганде средств массовой информации; развитие самостоятельных объединений и “неформальных” организаций, в которых шли споры о будущем. В результате и советологи, и ревнители идеологической чистоты были захвачены врасплох внезапным рождением реформы, инициатором которой стал Горбачев»³.

Основу общественного мнения в СССР (вслед за Российской империей) составляли понятия не политические, а нравственные. Те или иные события оценивались прежде всего с точки зрения их справедливости. В массе своей население считало существующий порядок более или менее справедливым. Даже правительственные привилегии, о которых кое-что знали, воспринимались как справедливое вознаграждение за тяжелый труд.

Углубленное легальное изучение политических проблем обуславливалось сложной схоластикой, которая была призвана объяснить многочисленные «диалектические противоречия» марксистско-ленинского миропонимания. Значительная часть населения воспринимала премудрости общественных наук так же, как и сложности других отраслей знания, и старалась в них не вникать. Другая часть, чувствуя фальшь догм КПСС, не стремилась применять к ним нормы здравого смысла и в то же время с подозрением относились к тем, кто занимался политической казуистикой.

Помню, как во время службы в армии взялся читать от начала до конца сочинения Ленина. Другие солдаты отнеслись к этому занятию с удивлением и большей или меньшей неприязнью: «И охота тебе этой ерундой заниматься. Самым хитрым хочешь быть?» Товарищи по службе восприняли чтение Ленина как постижение правил политического иезуитизма. Интересно, что большинство из них Ленина не читали и свой вывод делали на основе стихийного общественного мнения.

Эта активная аполитичность затрагивала, конечно, не всех жителей страны. Как и везде, в СССР существовал значительный слой людей политически активных. Основную его часть составили интеллигенты (под интеллигенцией здесь понимаются люди интеллектуального труда). По мнению авторов коллективной монографии «Власть и оппозиция. Российский политический процесс в XX столетии», «лейтмотивом выступлений творческой интеллигенции в середине 60-х — середине 80-х годов был не столько политический протест, связанный с сознательным выбором идейных ценностей, сколько борьба за свободу творчества и самовыражения»⁴. Такой «классовый подход» не всегда применим — в общественных движениях участвовало большое количество людей, творчеству которых власти не препятствовали, так как они не были связаны с гуманитарным знанием, свободное развитие которого особенно опасно для власти. Физики А.Сахаров и Ю.Орлов, математик И.Шафаревич могли заниматься творчеством в сфере своей специализации совершенно беспрепятственно, но предпочли риск участия в оппозиционном движении. Движущие мотивы общественного движения кроются в самой потребности интеллигенции в интеллектуальной работе, склонности к критическому анализу действительности все в том же стремлении к справедливости, составлявшем важную черту отечественной культуры. Идеи, возникавшие в сознании участников дискуссий 60—70-х гг., были иногда дороже для них, чем возможность профессионального творчества. Поэтому значительная масса интеллигенции не прекращала автономных от власти обсуждений окружающей действительности, то и дело порождавших «уклоны» от «генеральной линии КПСС» (тем более, что сама эта линия не переставала изгибаться). Относительно широкий слой интеллигенции, не принявший аполитичности, продолжал напряженную работу мысли в таких ячейках общества, как кухни и курилки, где небольшие группы обсуждали в рамках дозволенного общественные вопросы. Эти ячейки составляли основу неформального общественного мнения, которое

восстановилось после «разоблачения культа личности» и не умирало уже никогда. Более или менее свободное обсуждение гуманитарных проблем шло также в институтских аудиториях, где оно камуфлировалось под профессиональные дискуссии. Более ортодоксальные коммунисты встречались в этих ячейках зарождающегося гражданского общества с менее ортодоксальными беспартийными. Неформальное общение стало питательной средой, в которой формировались и неформальные движения, и диссидентство. *«Эти веселые компании изменили общественный климат в стране. Нарушилось главное: закон молчания. Если раньше пределом гражданской честности было неучастие, то теперь от порядочного человека потребовалось слово... И высшая российская ценность — дружеское общение, — пишут о «кухонных» кружках П.Вайль и А.Генис, — легла в основу зарождающегося общественного мнения. Что может быть увлекательнее, чем в компании остроумных подвыпивших людей ругать советскую власть. Продолжением этого веселого времяпрепровождения и стало диссидентство»*⁵. И не только оно.

В то же время было бы преувеличением сказать, что «идейно-политическое единство советского народа» к началу Перестройки было разрушено. «Мы» воевали в Афганистане, сажали диссидентов, запускали ракеты, договаривались в Америке и протестовали против звездных войн. Однако это единство было скорее патриотическим, чем идеологическим (коммунистическим). В то же время тяга к индивидуальности подсознательно противостояла этой общности. Люди объединялись во множество неформальных группировок от национальных землячеств до групп людей, имеющих общее «хобби», от спортивных «фанатов» до диссидентов, от участников организационных игр по методике Г.Щедровицкого до «тусующихся» по всей стране хиппи. Постепенно из этих групп формировались субкультуры — системы связей между людьми, основанные на общности культурно-психологических интересов и стереотипов, отличных от официально признанных.

Время от времени, в зависимости от обстоятельств, власти усиливали борьбу с этими объединениями, сажая филателистов за «спекуляцию» марками, любителей музыки — за «спекуляцию» кассетами, «фанатов» — за хулиганство, которого в этих молодежных группировках действительно хватало — естественный выход энергии, которая не находила лучшего применения. Но подобные атаки «органов правопорядка» давно не были «войной на уничтожение». Ставилась другая задача — не позволить неконтролируемым субкультурам разрастись настолько, чтобы они составили конкуренцию политическому руководству. Было важно, чтобы общественные течения не сформировались в прочную систему гражданского общества, способную оказывать систематическое воздействие на власть. Поэтому интересам правящей элиты соответствовало раздробление общества, его атомизация, при которой соседи почти не знают друг друга. Тогда люди замыкаются прежде всего на государство и производство. Надо признать, что здесь удалось достичь больших успехов. Но полная атомизация не возникла

даже при Сталине, а позднее горизонтальные связи в социуме стали восстанавливаться и укрепляться.

Социолог О.Яницкий считает, что важнейшим фактором формирования гражданского общества (гражданских инициатив) стали коммунистическая идеология и урбанистическая политика, приводившие к созданию ячеек самоорганизации по месту жительства, к которым автор относит даже организации КПСС⁶. Подобные выводы представляются нам чересчур смелыми. Конечно, организации КПСС, домкомы, ЖЭКи, и даже агитпункты, упоминаемые в этой связи О.Яницким⁷, и другие низовые государственные организации, как правило, уже не были в 60-е — 70-е гг. элементами все проникающей тоталитарной власти, они состояли из обычных людей, вовлеченных в текучку обыденной жизни и близких по взглядам и нуждам к населению. Но это еще не дает основания для того, чтобы говорить о них в связи с возникновением гражданского общества и гражданских инициатив. Низовые структуры подобного рода были скорее элементами традиционного общества. В них самоуправление (но не самоорганизация, так как инициатива исходила сверху) сочеталось с исполнением распоряжений вышестоящих инстанций. Гражданское общество формировалось там, где инициативные группы переставали быть объектом управления и начинали активно воздействовать на социум, руководствуясь собственной логикой. Признаком гражданских инициатив является гражданская активность, самостоятельность в отношениях с властью.

Применительно к государственным и официальным общественным институтам (причем не только по месту жительства) уместнее говорить не об элементах гражданского общества, а об их «порождающей среде» (применяя термин О.Яницкого). Под порождающей средой О.Яницкий понимает «легитимные организации, которые непосредственно стимулируют возникновение организаций-носителей социального движения (ОСД), формируют их идеологию и цели, снабжают материальными ресурсами»⁸. По-видимому, роль легитимной организации здесь несколько преувеличена. Как правило, де факто такую роль играли люди, входящие в организацию, а не она сама. Поэтому цели и идеология двух организаций существенно расходились, и в «порождающей среде» постоянно шла борьба вокруг «дочерних» структур. Большая часть ресурсов, как правило, также поступала не от «порождающей среды», а от самих участников движения. С этими поправками можно согласиться с описанием взаимоотношений «порождающей среды» и «ОСД», предложенным О.Яницким: «Первая, создавая вторую, тем самым реализует те свои интересы, которые выходят за пределы ее функций, санкционированных режимом, повышает свой престиж и привлекательность для своих членов, то есть стабилизирует свою деятельность. Вторая приобретает легальную “крышу”, чтобы открыто рекрутировать новых членов, действовать от имени первой и получать необходимые ресурсы»⁹. К «порождающим средам» можно отнести учреждения образования и культуры, научные учреждения, профессиональные (прежде всего творческие) организации, периодические издания¹⁰. Добавим, что порождающей средой (в прямом смысле словосочетания) различных движений

могли быть и учреждения, которые не оказывали им поддержки. Это касается прежде всего песенной культуры и диссидентства.

В 50—70-е гг. контроль за человеком со стороны режима значительно ослаб. Государство словно заключило с обществом негласное соглашение: я не трогаю тех, кто не «покушается на устои» делом или публичным словом. Это позволило некоторым общественным течениям, камуфлировавшим свою идейную независимость от КПСС, стать поистине массовыми. Такие течения составляли базу оппозиции — как современной, так и будущей.

При всем многообразии субкультур, развивавшихся под коркой «морально-политического единства», наибольшее воздействие на общество оказывали те из них, которые вырабатывали элементы самостоятельной идеологии: дискуссионные «кружки», социально активные (в том числе оппозиционные) организации, музыкальные субкультуры. Идеологические споры в обществе не были жестко детерминированы принадлежностью человека к одной из этих сред. В каждой из них существовала широкая палитра мнений, которую «озвучивали» немногочисленные идеологи.